

Некрасов Всеволод

12.2.22

Бог есть честность

Презентация книги Всеволода Некрасова

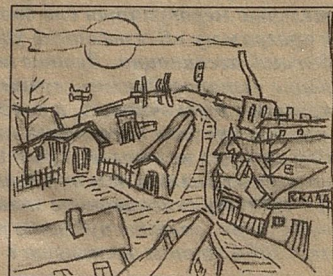
В «Крокин галерее» в рамках художественной выставки «Прямолинейный проект» прошла презентация нового стихотворного сборника Всеволода Некрасова «Живу вижу». Сначала Некрасов показывал слайды картин — в основном из своей личной коллекции, собираемой последние сорок лет. Затем — читал свежие стихи.

Известия — 2002 — 12 февр. с. 9.

Майя КУЧЕРСКАЯ

Презентация книги одного из самых ярких представителей «лианозовской группы» (как ни приблизительно это название, оно стало узнаваемой координатой, а потому воспользуемся им) распалась на две части. В первой Некрасов показывал и рассказывал про картины, которые начиная с 60-х годов дарили ему знакомые художники: Рабин, Кропивницкие, Булатов (он присутствовал в зале), Краснопевцев, Немухин, Васильев, Вечтомов, Инфанте (он тоже пришел на презентацию и обеспечивал ее «слайдовую» поддержку). А после перерыва, непринужденным движением руки раскрыв ноутбук, поэт читал с дисплея самые последние, не успевшие войти даже в новую книгу стихи. Все вместе выглядело цельно и весело.

Картины и стихи, поставленные рядом, зазвучали в унисон. Однако так и хочется — вполне в некрасовском духе — перечислить все точки пересечения скороговоркой: концептуализм, минимализм, конкретизм... Диалог с пространством, нагота образов, разламывание штампа... Эрик Булатов встраивает слово в картину, Всеволод Некрасов делает поэзию визуальной. Все так. И все же, помимо общего поля искусства, этих (в общем-то вполне непохожих между собой) художников объединяет отношение к себе и своему делу. Собственно, честное. Говоря словами стихов Некрасова, «Бог есть честность». Стоит ли удивляться тому, что, слушая себя, слушая время, они вдруг сталкивались, совпадали, начинали двигаться в одном направлении? Каждый гнул свою линию, но выходило не гнуто, а прямо, причем сразу у всех.

Оскар Рабин. «Похороны барака». 60-е годы. Из книги «Живу вижу»

«Я хотя/ не хочу/ и не ишу/ живу и вижу».

И никакого картезианства, никаких «мыслью, следовательно, существую». Не мыслью, не существую — живу. Поэтому и вижу. Поэтому и слово Некрасова, начинавшего свой путь в конце 1950-х и сохранившего внутреннюю связь с той эпохой, звучит и сегодня. Ведь единственный контекст, в который Некрасов согласен себя встраивать, — жизнь. Единственный круг, причастность к которому готов признавать, — круг близких друзей. Никаких лишних движений, искусственности, органичное сосуществование со временем (кончилось время «ундервудов» — перейдем на ноутбук), никаких сверхусилий для встраивания себя в настоящее искусство. Оно само подхватит, подскажет, вознесет.